

ПРОТИВОРЕЧИЯ В ЖИЗНИ И В КНИГЕ

Автор: В. Х. БЕЛЕНЬКИЙ

БЕЛЕНЬКИЙ Владимир Хононович - доктор философских наук, профессор Сибирского федерального университета (г. Красноярск).

Среди работ, посвященных рабочим, монография Б. И. Максимова о рабочем классе [1] воспринимается как откровение и настоящее событие в социологии. Чем она выделяется? Во-первых, автор не сомневается в существовании рабочего класса, тогда как многие именитые философы и социологи, в том числе даже числящие себя марксистами, полагают, что рабочего класса в России нет. Во-вторых, книга содержит обширный, весьма интересный и актуальный конкретно-социологический материал о рабочем классе России. Полагаю, что самое главное, уникальное в ней - именно этот материал. Автор скрупулезно изучил жизнь российских рабочих и щедро делится с читателями своими наблюдениями. В-третьих, Б. И. Максимов не только и не просто знает жизнь рабочих - он переживает за них, сочувствует и страдает им. Поэтому социологический текст приобретает порой публицистическое и даже художественное звучание. Не согласен с теми, кто считает это прегрешением. Наконец, рецензируемая книга так же противоречива, как и само бытие рабочего класса; автор воспроизводит эти противоречия, пытается разобраться в них. Критический анализ этих аспектов и является предметом предлагаемых заметок.

Б. И. Максимов предпринял попытку выработать дефиницию рабочего класса. Для выделения рабочих он использует четыре основных критерия: 1) характер (содержание) труда (технологический аспект); 2) вид и уровень профессиональной подготовки, квалификации (образовательный аспект); 3) положение, роль в системе социально-трудовых отношений, в производстве и обществе (социально-экономический аспект); 4) социальную идентификацию, психологию, мировосприятие группы (субъективный аспект).

Рабочий класс включает людей, занятых физическим трудом. Однако данное, само по себе верное положение, сопровождается акцентированием внимания на отрицательных сторонах физического труда по сравнению с умственным, квалифицируется как труд исполнительский, запрограммированный, привязанный к определенному месту, где особенно важны физические усилия. Приводится мнение английских социологов, что труд рабочих характеризуется худшими условиями и менее интересным содержанием по сравнению с трудом интеллектуальным. Рабочим необходим специфический вид профессиональной подготовки. Как правило, высшее образование им не требуется.

Весьма существенными признаны социально-экономические критерии. Рабочие не имеют в собственности средства производства и не управляют ими, их *отличает* наемный труд. Но Б. И. Максимов выступает против широкого толкования рабочего класса и утверждения, что главным признаком последнего является наемный труд. Он

трактует "наемность" рабочих в традиционном смысле, как "сугубую наемность", "Это - рядовые работники, находящиеся на нижней ступеньке производственной иерархии. Они, как правило, не участвуют в подготовке и принятии решений, в управлении предприятиями. Невключенность в управление (по крайней мере, на уровне выше рабочего места), в дела организации, непричастность к состоянию предприятия - вот одна из наиболее характерных черт положения рабочих..." [с. 2]. Их отличают также формы и уровень оплаты труда, размер дохода, менее твердые гарантии занятости, сравнительно низкая степень престижа труда.

Нельзя согласиться с так называемым субъективным критерием рабочего класса. Само понятие субъективного критерия алогично, особенно когда его пытаются использовать как средство исследования объективных явлений. Субъективный критерий обычно вводится для более всестороннего подхода к тому или иному явлению, но последствия бывают негативными. Автор подчеркивает, что "только по совокупности признаков можно надежно отделить рабочих от других групп работников. На практике, однако, применяется более простой способ обозначения рабочих - по профессиональной принадлежности..." [2, с. 14]. Вопрос выделения рабочих практически решается просто - путем отнесения к рабочей профессии и рабочей сетке; как правило, с этим совпадает субъективное осознание себя рабочим. Субъективное осознание приравнивается к объективному критерию, а здесь один шаг до их взаимозаменяемости.

На основании названных критериев дано следующее определение рабочих: "это работники, занятые преимущественно физическим и исполнительским трудом, получившие профессиональную подготовку на уровне (и в учреждениях) "начального профессионального образования", составляющие социально-профессиональную группу работников сугубо наемного труда, отличающихся по показателям положения (занятости, оплате, условиям труда, участию в управлении, месту в производственной иерархии), отнесенных к рабочим по профессиональной принадлежности, находящихся (и числящихся) на рабочей сетке и идентифицирующих себя с рабочим классом..." (С. 12 - 17). Определения, детально описывающие то или иное явление, наименее эффективны и содержательны. К тому же автор не совсем последователен. Он, с одной стороны, утверждает, что осуществляемые в России преобразования по замыслу прогрессивны, а период 1990-х гг. называет революцией. "При этом изменении, *затронувшие рабочих, мы считаем революционными по своему характеру в соответствии с революционностью изменений, преобразований всего периода 1990-х гг.*" (С. 8).

С другой стороны, переходя от деклараций к фактам, он показывает, чем обернулись реформы в России для рабочего класса, рассматривает следующие "революционные" изменения, затронувшие рабочих. Произошло резкое сокращение их численности. Дело не в НТР и не в передислокации промышленности в страны третьего мира. Сокращение "явно связано с проведением реформ". Его "можно оценить как потери, огромную растрату человеческих ресурсов, приведшую в конце 1990-х гг. к острому дефициту рабочих кадров".

Доля опытных рабочих среди безработных постоянно составляла более 80%. Наибольшее сокращение рабочих произошло в самых передовых отраслях. Увеличилась или сохранилась численность их в сырьевых отраслях. Следовательно, "структурную перестройку промышленности с точки зрения численности занятых в отраслях также невозможно назвать благоприятной". И в целом оценка динамики численности рабочих в годы реформ получается отрицательной". Максимов констатирует ухудшение состава персонала по возрасту, квалификации, образованию.

Очень сложная проблема - пополнение рабочего класса из молодежи. Молодежь не хочет ни учиться на рабочих, ни становиться рабочими. Таким образом, делает вывод автор: "Номинально рабочие остаются... одной из основных социальных групп (сместившись с места "основной") Но налицо тенденция дальнейшего уменьшения их удельного веса, снижения социального статуса. Группа рабочих подвержена нисходящей социальной мобильности. Это проявляется, в частности, в снижении общественного престижа рабочих профессий, почти полном отсутствии общественного внима-

ния, в том числе в СМИ, к положению, проблемам рабочего класса, в ухудшении самочувствия людей. Рабочих, по их выражению, "задвинули". Один из показателей "задвинутости" в общественно-политическом плане - ничтожная представленность рабочих в законодательных органах власти..." (С. 19 - 21, 23, 25, 28). Автор замечает, что чем крупнее предприятия, тем меньше нарушений прав рабочих, чем меньше предприятия - тем бесправней рабочие (С. 49). Этот аспект развития малого и среднего бизнеса в России, как правило, просто замалчивается.

Есть в книге Б. И. Максимова немало иных противоречий. В отличие от других исследователей рабочего класса и рабочего движения, он много пишет о трудовых коллективах; автор очень тесно связан с жизнью рабочих, чтобы пройти мимо этого явления. Однако он не совсем понимает сущность, роль трудовых коллективов, относя все, что с ними связано, лишь к форме рабочего движения. Стратегическое значение трудовых коллективов от него ускользает. Поэтому в книге встречаются довольно наивные положения, например, о невычлененности рабочих из состава трудовых коллективов (С. 137). "Когда рабочие играли ведущую роль в протестных действиях, они выступали с широких позиций, от лица всего трудового коллектива, практически не провозглашались сугубо классовые цели и лозунги. Рабочее движение, таким образом, проявлялось в составе движения трудовых коллективов, а последнее, в свою очередь, - в рамках общедемократического движения" (С. 102). Полагаю, что трудовые коллективы носят классовый характер, что это специфическая форма существования и единства трудящихся классов и социальных групп в современной России.

Запутан вопрос об идеологии рабочего класса. Исследователь понимает, что интересы последнего принципиально отличаются от интересов буржуазии и бюрократии, что ему необходима своя идеология, но в то же время "хоронит" единственную идеологию, которая действительно выражает эти интересы, - марксистскую. Вот типичный для автора ход мысли: "Важнейшую роль будет продолжать играть практически полное отсутствие идеологии рабочего класса, актуальных в рабочем сознании стратегических целей, предполагающих совместные усилия по их достижению. Идея особой миссии рабочих уже не воспринимается ими. Остаются собственные (классовые) интересы. Но при этом понимание, что в одиночку добиться кардинального улучшения положения невозможно, не служит руководством к действию. Тем более радикальное требование смены общественного порядка в связи со стратегическими целями не будет предъявляться и в ближайшей перспективе. Дело при этом не только в трудности перехода к такой позиции, отсутствию идеи альтернативного общественного устройства, которое не выработано не только рабочим классом, но и всем обществом. На сегодняшний рабочий класс не работают в качестве идеологических центров политические партии. От рабочих в крайнем случае можно ожидать разрушительных действий по свержению существующего режима, но не конструктивной деятельности по построению нового. Марксистское видение рабочего класса исходило из объективного положения его в системе общественных (производственных, трудовых) отношений, недостаточно учитывало субъективную сторону. Сегодняшний российский рабочий, находясь в подобных объективных условиях, стал намного более грамотным, "политически подкованным", получившим опыт социалистической революции, познавшим ее возможности. В то же время этот опыт, развеявший иллюзии о возможностях чудесного преобразования мира, способности рабочих удержать штурвал государственного корабля, поселивший наследственный страх перед репрессиями, и мешает ему" (С. 260). Следует остановиться на некоторых, на мой взгляд, ошибочных положениях, содержащихся здесь.

1. Не касаясь того, волнует или не волнует рабочих идея их особой миссии, обращаем внимание на то, что такая идея не просто выносится за рамки сознания рабочих, но ей противопоставляются "собственные (классовые) интересы", сводимые тем самым к чисто экономическим, "копеечным" требованиям. Однако классовые интересы гетерогенны, объективно и субъективно субординированы, и российская социология

пока не дает представления о том, каковы сейчас интересы рабочего класса, взятые в их полноте и в соответствии с изменившимися общественными условиями.

2. Марксизм воспринимается автором как нечто неизменное, раз и навсегда положенное. Представление о тактической неизменности марксизма присуще большинству российских последователей его, как ортодоксальных, так и "творческих". Все или почти все полагают, что марксизм и в наши дни обязательно утверждает идею революционного перехода от капитализма к социализму. От этого отталкиваются, а дальше избирают позиции согласия или несогласия с этим исходным тезисом. А не ошибочен ли сам тезис? Не возможен ли в современных условиях эволюционный переход от капитализма к социализму? Не переживает ли мир последствия революционной фазы своего развития (первая половина XX в.)? Процесс, порожденный социалистическими революциями 1917 - 1940-х гг., может лишь *казаться* безрезультатным. В этом случае меняется вся стратегия борьбы за социализм, особенно в такой стране, как Россия.

3. Исходя из ошибочности марксизма, Б. И. Максимов не сомневается в отсутствии "идеи альтернативного общественного устройства, которое не выработано не только рабочим классом, но и всем обществом". Это заблуждение, опровергаемое как эмпирическими, так и теоретическими исследованиями. Например, по данным В. К. Левашова, хотели бы жить в социалистическом обществе в 1998 г. 38% респондентов; в 2002 г. - 29%, в 2006 г. - 32%. В капиталистическом обществе, соответственно - 22, 19 и 19%; в каком-то другом обществе - 10, 14 и 10%; затруднились ответить - 30, 38 и 39% [3]. Картина свидетельствует о смятенном состоянии массового сознания, но не об отсутствии идеи альтернативного общественного устройства.

Еще больше впечатляют ответы на вопрос "Какая экономическая система кажется вам более правильной?", полученные аналитическим центром Ю. Левады и обобщенные Л. Седовым. Удельный вес респондентов, отдавших предпочтение экономике, основанной на государственном планировании, составил в 1997 г. 39%; в 1998 г. - 45%; в 1999 г. - 51%; в 2000 г. - 52%; в 2003 г. - 56%; в 2004 г. - 53%, в 2005 г. - 51%. Удельный вес респондентов, отдавших предпочтение экономике, основанной на частной собственности, равнялся соответственно 36, 35, 35, 33, 34, 34, 36% [4].

Показательны результаты опроса, проведенного ВЦИОМ. Отвечая на вопрос "Какой вы бы хотели видеть строй в будущей России?", 28% респондентов указали строй, основанный на рыночных отношениях; 18% - социалистический строй, какой был в СССР; 45% - строй, который бы сочетал в себе элементы и рыночных, и социалистических отношений [5].

"Судя по материалу, приведенному Т. И. Ойзерманом, - отмечает в рецензии на книгу последнего "Оправдание ревизионизма" Н. В. Романовский, - марксизм в России едва ли уйдет в небытие. Слишком хорошо современные реалии России укладываются в марксистские подходы..." [6]. Но без идеи замены капитализма социализмом марксистские подходы просто бессодержательны.

4. Б. И. Максимов пишет: "От рабочих... можно ожидать разрушительных действий по свержению существующего режима, но не конструктивной деятельности по построению нового". Полагаем, что низведение рабочего класса России едва ли не до уровня луддитов - досадное недоразумение. Во всяком случае, автор позже пишет: "В плане конструктивной деятельности можно упомянуть... о народных предприятиях, на семинаре по которым я с любопытством побывал. И к приятному удивлению увидел, что они не миф, существуют в России, правда, трудно сказать, в каком количестве, т.к. статистика по ним, очевидно, не интересует российское государство. Народные предприятия - в разных сферах - не только существуют, но и, по словам выступавших руководителей, способны конкурировать с организациями капиталистического типа. Говорилось о мотивации создания предприятий с коллективной собственностью: работники могут почувствовать себя личностью, избавиться от эксплуатации, хозяина, угнетающего работника во всех смыслах, от произвола собственников. Люди держатся, даже зная, что на частных предприятиях могли бы получать большую зарплату. Вместе с тем современные свободные объединения людей труда в сегодняшней России испы-

тывают "жуткое давление среды", причем не только по части производства, не получают поддержки властей, в т.ч. в законодательной форме; многое здесь держится "только на энтузиазме". Нередко народным предприятиям предлагают большой откуп, чтобы они исчезли..." [7. С. 8].

Б. И. Максимов совершенно прав, когда утверждает, что рабочий класс России не организован. Речь, естественно, идет не об объективной, т.е. производственной организации, а об организации, относящейся к субъективному фактору, выражающей более или менее высокий уровень классового сознания рабочих. Российские профсоюзы служат скорее высшему классу, нежели рабочему. Они стремятся подражать соответствующим институтам на Западе. Но там есть разные профсоюзы и там другое общество, нежели у нас.

Политические партии России по-разному относятся к рабочему классу, но, как правило, далеки от него и от его интересов. В известной степени это относится даже к крупнейшей оппозиционной партии страны, КПРФ. Важнейшая задача таких партий - политическое развитие рабочего класса и широких масс. Если данная задача неуспешна, то не означает ли это, что теоретики предъявляют к трудящимся, прежде всего - к рабочему классу, устаревшие или неадекватные требования? Не следует ли предположить, что российский рабочий класс резко отличается от рабочего класса большинства других стран и что классические, с точки зрения догматиков, подходы к нему обречены на провал? Не возможно ли, что сами задачи, стоящие перед силами прогресса, кардинально изменились по сравнению с задачами столетней давности? Кто разобрался и разъяснил рабочему классу, в чем состоят его действительные интересы, особенно ближайшие? Как использовать доставшуюся в наследство от советской поры объективную форму организации трудящихся, трудовые коллективы? Эти вопросы не нашли своего решения и в работе Б. И. Максимова. В ней немало интересных наблюдений, ощущается стремление помочь рабочему движению. Однако ценность всего этого снижается, поскольку автор руководствуется такими представлениями, как крушение пролетарской классовой идеологии. А какой еще может быть идеология рабочего класса, если это идеология рабочего класса?

Сопоставляя российское и западное рабочее движение, автор приходит к правильному выводу: "российское рабочее движение представляет собой специфическое явление, заслуживающее особого концептуального определения. Его нельзя считать недоразвитым, ущербным; оно - особое...". Однако этот вывод недостаточно аргументирован, обоснован. Он квалифицирует российское рабочее движение как "**коллективный протест**". "Его основные черты, - пишет автор, - наличие сильных деприваций, глубокого недовольства, выражающегося главным образом в высоком потенциале протеста, ориентациях на протест и, незначительно - в реальных действиях экономического характера, слабо организованных и имеющих нисходящую динамику". Отмечается, что рабочее движение "не дотягивает" до уровня социально-политической силы, способной повлиять на ход крупных общественных преобразований. "Главными причинами относительной слабости движения являются его несоординированность и дефицит солидарности".

Само становление рабочего движения Максимов считает кризисным. "Проявлениями кризисности являлись в целом низкий его уровень, медленный рост активности рабочих, разрозненность их действий, определенная ущербность методов борьбы и др. Наиболее разрушительным было известное падение производства, имевшее многочисленные последствия для коллективных действий рабочих, лишавшее действенности главный способ борьбы - выступление в форме забастовок. Особенно разрушительной оказывалась неуверенность в завтрашнем дне, опасность потерять работу, что вызывало так называемый "новый страх", чувство "социального смирения". Один из главных факторов кризисности... деградация состава рабочего класса, вымывание наиболее квалифицированной, молодой, социально активной его части, в т.ч. рабочих, выступавших лидерами". В то же время отдельные широкие выступления демонстрировали силу рабочего движения (С. 138 - 139).

В ряде случаев Б. И. Максимов демонстрирует попытки более глубокого проникновения в суть происходящего, чем это присуще другим исследователям. Так, М. И. Воейков объясняет дефицит солидарности рабочих ростом их внутренней дифференциации. Он пишет: "В последние годы дифференциация в оплате труда между работниками различных отраслей экономики стала настолько существенной, что уже трудно говорить о проявлении рабочей солидарности... В 1998 г. разница в оплате труда между различными отраслями в ее крайних значениях составляла 7,7 раз. Отсюда ясно, что никакой солидарности и даже классовой общности между рабочими легкой и газовой промышленности сегодня появиться не может, в отличие, скажем, от 1910 г. ... Рабочий класс, конечно, еще продолжает оставаться довольно значительным *слоем*, но, думается, свою авангардную роль в социальном прогрессе он начинает утрачивать... В современной России составляет лишь треть от всех занятых в экономике (по моим подсчетам, доля рабочих среди занятого населения в 2004 г. составляла 40,2% - **В. Б.**). Более того, рабочий класс экономически резко расслоен. Занятые, например, в топливных отраслях, по уровню своих доходов приближаются или уже составляют так называемый средний класс. Работники легкой, пищевой промышленности, наукоемких отраслей во многом находятся за чертой бедности. Рабочие утрачивают единое классовое сознание, превращаясь в особые профессиональные группы".

На наш взгляд, М. И. Воейков противоречиво истолковывает факторы, воздействующие на рабочий класс. С одной стороны, он ставит самосознание и солидарность рабочих в прямую зависимость от специфики условий оплаты их труда по отраслям, т.е. полностью подчиняет рабочий класс экономической власти буржуазии, априори лишает его воли, способности к самоопределению и сопротивлению. С другой стороны, решив, что рабочий класс утрачивает классовое самосознание, он приходит к выводу о том, что этот класс подвержен распаду, аннигиляции. Следовательно, М. И. Воейков то игнорирует субъективный фактор жизнедеятельности рабочего класса, то абсолютизирует его значение. По мнению Максимова, дифференциация действует не так прямолинейно, и дело не только в ней. "Разрушение идеологических установок, общности интересов, групповой взаимопомощи в любых обстоятельствах - вот что гасило солидарность. Рабочие отмечают, что они перестают ощущать себя единой общностью, способной как-то повлиять на ход событий" (С. 124 - 125). Но причины этого явления освещаются автором не убедительно. По его мнению, основная причина - идеологическая. "Российский рабочий класс был вооружен развитой, культивируемой идеологией, включающей в себя цели прежде всего высшего порядка. И хотя... эта идеология имела мессианский, официозный характер, она все же сыграла важную мобилизующую роль на этапе пробуждения рабочего движения". Рабочие были воспитаны в духе ответственности за происходящее в стране. "Притом ответственность связывалась скорее не с правом "командовать", а рассматривалась как обязанность, общественный долг. Крушение прежней идеологии при отсутствии новой повлекло за собой и отмеченное разрушение рабочей солидарности" (С. 126). Хотя идеологические перемены описаны автором в далеко не адекватном виде, несомненно, что на солидарность рабочих они оказали негативное влияние.

Б. И. Максимов называет и ряд других факторов такого воздействия. Это внезапно обрушившаяся на рабочий класс неорганизованность, дефицит рабочих лидеров. Одной из причин рассматриваемого явления он считает ослабление коллективизма и усиление индивидуализма в рабочей среде. Видимо, автор здесь не вполне точен. Дело в том, что соотношение индивидуального и коллективного не есть постоянная величина, а может быть представлено в виде подвижной шкалы. В советское время массовое преобладание коллективного выливалось в недооценку индивидуальных начал, но соответствовало росту социальной однородности. В 1990-х гг. ситуация резко изменилась. Общество раскололось на противоположные классы. Присвоение труда одних другими - эксплуатация человека человеком - потогонка [8] порождают конфликт между рабочим классом и буржуазией [9]. Он сопровождается гигантским идеологическим и моральным давлением буржуазии, государства, "политического класса",

СМИ, церкви, знаменитостей из мира культуры, искусства, спорта. Одна из важнейших целей этого давления - разрушение солидарности рабочего класса и других социальных групп, в первую очередь - молодежи. Упомянутая шкала изменяется: явно проявляется тенденция сжатия коллективизма и расширения индивидуализма. Но в рабочем классе существует коллективистская жилка, особый нерв солидарности, который при определенных условиях может быть возбужден [10]. Первое и важнейшее условие противостояния указанной тенденции - сопротивление капиталу и высшему классу в целом. Формы сопротивления возможны самые различные, в том числе социальное партнерство, если его организовать не на бюрократический манер, а действительно демократически. Однако, как это ни парадоксально, надо отчетливо представлять, что в такой стране как Россия, с учетом нашего - *коллективистского* - менталитета и происшедших в обществе изменений неконструктивно ставить задачу просто борьбы против индивидуализма; стратегическое значение уже давно приобрела задача *гармонизации коллективных и индивидуальных начал*.

Несмотря на сложные условия, рабочий класс России не утратил творческого потенциала, способности к организованным созидательным действиям. Учитывая низкую эффективность забастовок, процедурные трудности их организации, соглашательские позиции или бессилие многих профсоюзов, рабочие нередко прибегают к такой крайней мере протеста, как *голодовки по экономическим мотивам*. Это явление, невиданное ни в дооктябрьской России, ни на Западе, не получило сколько-нибудь ясной теоретической оценки. Б. И. Максимов относит голодовки к демонстрационным и страдательным формам протеста. По удельному весу они занимают второе место после забастовок [11]. Автор пишет: "Голодовки нередко отличались драматичностью; в сообщениях прессы немало случаев попадания людей в больницы в результате голодания. Распространенность голодовок представляется парадоксальной в условиях, когда, казалось бы, имеются другие, наступательные и не такие опасные, методы действий" (С. 118). Думается, что голодовки в большей степени носят вынужденный, нежели демонстрационный характер. Подрывая основное, по существу, единственное достояние рабочих, рабочую силу, они являются обвинением институциональной системе России, которая не в состоянии обеспечить реализацию самых элементарных прав трудящихся.

ПРИМЕЧАНИЯ И СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Максимов Б. И. Рабочие в реформируемой России, 1990-е - начало 2000-х годов. СПб., 2004. 277 с.
2. Не являются ли эти слова "покушением" на положение, согласно которому буржуазия и рабочий класс суть основные классы капиталистического общества? Эта точка зрения широко распространена. Однако существует и другое мнение, согласно которому "место рабочего класса в социальной структуре российского общества определяется тем, что он остается главной производительной силой, непосредственным участником материального производства и управления его процессами" (Кряжев Е. Л., Осинский И. М. Рабочие Бурятии 90-х гг. Социальная структура. Улан-Удэ. 2003. С. 22).
3. Левашев В. К. Патриотизм в контексте современных социально-политических реалий // Социол. исслед. 2006. N 8. С. 73.
4. Седов Л. Люди о власти: конформисты и недовольные // Независимая газета. 2005. 6 декабря.
5. Российская газета. 2007. 27 апреля.
6. Романовский Н. В. Ревизия ревизионизма // Социол. исслед. 2006. N 5. С. 151.
7. Максимов Б. Есть в России новое социальное движение // Альтернативы. 2005. N 4. С. 185 - 186.
8. Это слово употребляет один из цитируемых Максимовым рабочих (С. 219). Понятие "эксплуатация" в книге не употребляется.
9. Осознание рабочими наличия этого конфликта и его остроты происходит нередко в своеобразной форме, как это было в свое время у шахтеров Кузбасса. Все противостоявшие им силы получили название "козлов". "Оказалось, что противостоит шахтерам масса "козлов", чуть ли не весь мир" (С. 145).
10. Б. И. Максимов сам приводит ряд примеров, подтверждающих это положение. Так, во время конфликта на Выборгском ЦБК рабочие на короткое время взяли производство в свои руки. Автор пишет: "Это была форма борьбы против новых собственников, отнюдь не стремление "захватить чужую собственность" (С. 189).
11. В забастовочном движении в России наметились некоторые подвижки. Сравним следующие данные за 2003 и 2004 гг. Число организаций, на которых проходили забастовки: 67 и 5993. Численность участников забастовок (тыс. чел.): 5,7 и 195,5. Число неотработанных дней на 1 участника забастовок: 5,1 и 1,1 (Россия в цифрах. 2005. Краткий стат. сборник. М., 2005. С. 93).